

УДК 1(14). 140.8

**ЭКЛЕКТИЗМ КАК МИРОВОЗЗРЕНИЕ:
СЛУЧАЙ Д.С. МЕРЕЖКОВСКОГО**

О.В. Пчелина

**ECLECTICISM AS A WORLDVIEW:
THE CASE OF D. S. MEREZHKOVSKY**

O.V. Pchelina

Аннотация. Статья посвящена эклектике, ее роли, смыслу и функциям в социально-философском знании. При рассмотрении феномена эклектики показана его амбивалентность и разнородность трактовок, обоснована основная цель «эклектического» течения, прослежен общий культурный фон, который стал благодатной почвой для развития эклектического мировоззрения. Представлены различные оценки эклектики как явления и творческого процесса, что эклектизм, как особый тип мировоззрения, формируется в интеллектуальной творческой среде и стремится к целостности и синтезу. На примере личности и творчества знаковой фигуры русского религиозного ренессанса Дмитрия Сергеевича Мережковского проанализирован феномен «символистской эклектики» и его мировоззренческая функция. Делается вывод об эклектизме как о продуктивном явлении отечественного символизма и особом типе мировоззрения, заключающемся в стремлении к целостности, единству и «небывалым синтезам».

Abstract. The article is devoted to eclecticism, its role, meaning and functions in the social-philosophical knowledge. When considering the phenomenon of eclecticism, its ambivalence and heterogeneity of interpretations are shown, the main goal of the "eclectic" flow is justified, and the general cultural background is traced, which has become a fertile ground for the development of an eclectic worldview. Various assessments of eclecticism as a phenomenon and creative process are presented. It is proved that eclecticism, as a special type of worldview, is formed in an intellectual creative environment and strives for integrity and synthesis. The author analyzes the phenomenon of "symbolist eclecticism" and its worldview function using the example of the personality and creativity of the iconic figure of the Russian religious Renaissance, Dmitry Merezhkovsky. The article ends with a conclusion about eclecticism as a productive phenomenon of domestic symbolism and a special type of worldview, which consists in the desire for integrity, unity and "unprecedented syntheses".

Ключевые слова: эклектизм, социокультурный, мировоззрение, «символистская эклектика», русский религиозный Ренессанс, синтез, культура, Д.С. Мережковский.

Keywords: eclecticism, socio-cultural, worldview, "symbolist eclecticism", Russian religious Renaissance, synthesis, culture, D.S. Merezhkovsky.

Вводя в научный оборот понятие «амбивалентность философии», понимаемое как «диалектическое отношение», присущее человеческому познанию и самому бытию, и рассуждая о нестандартности философских учений, Т.И. Ойзерман подчеркивает позитивность амбивалентности и говорит о том,

что амбивалентность способствует множеству разнородных интерпретаций [1]. В этой связи представляется интересным рассмотрение феномена эклектики¹, который амбивалентен уже по своей природе.

В истории становления философского (и не только) знания встречается множество примеров эклектики, а тысячелетнее существование породило достаточно разнородные трактовки этого понятия. Пройдя непростой путь от отрицания – «синкретизм² и эклектика всегда оценивались как неполноценные, нарушающие законы мышления и создания текстов, идеалы, моральные и религиозные формы» до признания – «тенденции синкретизма и эклектизма обогатили теорию познания множеством новых трактовок, подходов и направлений», эклектика и синкретизм могут рассматриваться как творческие формы и этапы развития научного знания [2, с. 75–77].

Исследуя эклектизм как особый тип мировоззрения, заключающийся в стремлении к целостности, к объединению разнообразия в единстве, к своего рода гармонии, необходимо выделить тот особый интеллектуальный слой и творческую среду (изначально эклектичные по своей природе), где это мировоззрение зародилось, сформировалось и развивалось [3, с. 105–106]. В этом контексте историко-философский опыт александрийцев (в том числе их попытка греко-египетского культурного синтеза) может рассматриваться как уникальный феномен, как особый тип интеллектуальной коммуникации и мировоззрения³.

Формализм и поверхностность оценки термина «эклектизм» критиковал А.Ф. Лосев, полагая, что эпоха трехвекового античного «эклектизма» есть не что иное, как «принципиальное искание новых путей и какая-то очень глубокая жажда новых и небывалых синтезов», и именно это «эклектическое» течение подготовило неоплатонизм и растворилось в нем [4, с. 53–55]. Лосев акцентирует внимание на том, что в «длинном ряде учений», или пестром «эклектизме», лежала вполне определенная тенденция синтеза многообразия античных философских школ.

Повторение такого «эклектического опыта» можно проследить в эпоху Серебряного века русской культуры. Называя рубеж веков русским религиозно-

---

¹ «Согласно Диогену Лаэртскому, это слово «эклектика» впервые употребил в качестве определения своей философской школы александриец Потамон, отобравший из всех прежних школ то, „что нравится, удобное“, а также „достойное“, „истинное“». Цит. по: Поршнев В. П. Эклектизм как мировоззрение интеллектуальной элиты птолемеевской Александрии // Вестник СПбГУКИ. 2011. № 1. С. 104.

² «Синкретизм... так называется сочетание различных философских начал в одну систему. Понятие С. близко подходит к эклектизму; различие между ними некоторые видят в том, что эклектизм старается путем критики выделить из различных систем состоятельные принципы и органически связать их в одно целое, а С. соединяет разнородные начала, не давая им истинного объединения...». «Синкретизм» // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона, в 86 томах. СПб., 1890–1907.

³ Как отмечает В.П. Поршнев, вследствие того, что александрийские интеллектуалы взяли на себя роль посредников между культурами, а также уникальной культурной среды, эклектизм стал господствующим мировоззрением в умах александрийской элиты.

философским Ренессансом, представители эпохи не ограничивались рамками эпохи Возрождения. Культурный диалог с Античностью, рецепция античного наследия (в частности античного мифа) русским символизмом были отличительными чертами Серебряного века¹.

Наиболее цельную характеристику этому периоду дал Вячеслав Иванов: «Итак, с одной стороны, канон Возрождения и классицизма, новый Парнас, древняя античная преемственность и глубокое, но самодовольное сознание поры упадка и одряхления благородной генеалогии этой преемственности, чисто латинское самоопределение новейшего искусства, как искусства поздних потомков и царственных эпигонов, и чисто александрийское представление о красоте увядания, о роскошной, утонченной прелести цветущего тления (декадентство); с другой стороны, ушедшие под землю ключи средневековой мистики и прислушивание к их глубокому рокоту, предчувствие нового откровения явной тайны о внутренней жизни мира и смысле ее, реализм, романтизм и прерафаэлитское братство – оба эти потока влились в жилы современного символизма и сделали его явление гибридным, двуликим, еще не дифференцированным единством, предоставив судьбам его дальнейшей эволюции проявить в раздельности каждое из двух внешне слитых, внутренне противоборствующих его начал» [5, с. 49–50]. Андрей Белый также указывал на «связь между символизмом и классическим искусством Греции и Рима <...> интерес символистов к памятникам античной культуры, воскрешение латинских и греческих поэтов, изучение ритма, стиля и словесной инструментовки мировых гениев литературы» [6, с. 256].

Подчеркну, что с самого основания символизм трактовался его отечественными представителями не только как «художественное направление», но и как «миропонимание, мировоззрение, своеобразная философия жизни», а идея синтеза стала основополагающим принципом и целью русской культуры серебряного века [7, с. 83].

Все вышесказанное ярко проявилось в творчестве одного из инициаторов и знаковых фигур отечественного символистского движения, «литературного источника» (Бердяев) духовно-эстетического Возрождения начала XX века Дмитрия Сергеевича Мережковского (1865–1941). Однако в данном случае речь пойдет не столько о вкладе Д.С. Мережковского в развитие русской религиозной философии и культуры², сколько о его творческой «многожанровости» – эклектичности.

---

¹ Обратим внимание на такие работы, как «Дионис и прадионисийство» Вяч. Иванова, «Атлантида-Европа: Тайна Запада», «Тайна Трех» Д.С. Мережковского, «Афины и Иерусалим» П. Флоренского, «Первые шаги философии» Л. Шестова, «Аполлон и мышшь» М. Волошина.

² Как известно, значимость личности и творчества Д.С. Мережковского определяется как важностью выдвигаемых им идей, так и тем, что мыслитель – критик, публицист, символист, религиозный философ и один из инициаторов Санкт-Петербургских религиозно-философских собраний – оказывал существенное влияние на своих современников.

Начнем с того, что личность Д.С. Мережковского уже сама по себе «эклектична»: «Определите-ка его, кто он критик, поэт, мистик, историк? То, другое и третье, или ни то, ни другое, ни третье? Но тогда, кто же он? Кто Мережковский?» – терялись в догадках «коллеги по цеху» [6, с. 258].

Д.С. Мережковский характеризовался его современниками и последователями как критик, декадент, поэт, символист, исторический романист, публицист, оратор, драматург, журналист, переводчик, сценарист, художник, мыслитель, мистик, пророк, учитель, вождь, идеолог, европеец, религиозный философ, богоискатель. Эпитеты, которыми современники наделили Д.С. Мережковского, – «страстный охотник за идеями», «культурный себязлюб», «одиноким странником», «вопиющее недоумение нашей эпохи», «загадка, которая упала к нам из будущего» – стали своего рода меткими эклектическими характеристиками мыслителя. Диапазон «эклектичного» статуса Мережковского был широк и разнообразен – от «„игрока запойного” в символы» (В.В. Розанов) и «великого мертвеца русской литературы» (Р.В. Иванов-Разумник) до «философствующего литератора» (Л.И. Шестов) и «пророка будущей культуры» (Г.П. Струве, С.Л. Левицкий).

Несмотря на то, что такие именитые философы как Н.О. Лосский, В.В. Зеньковский и ряд других отечественных и западноевропейских мыслителей высоко оценили религиозно-философские идеи и ту роль, которую Д.С. Мережковский сыграл в мировой духовной культуре, были и те, кто полагал, что «исключительное умение пользоваться цитатами скрывают бедность и монотонность мысли, маскируют его гностическую неодаренность, его нелюбовь к познанию и его недостаточную философскую подготовку» [8].

Что касается Мережковского, обильное цитирование источников стало для него практически «визитной карточкой»: «маэстро цитат» (Шестов) и «властелина чужого» обвиняли в стремлении показать себя через великих людей. Именно за это Мережковский подвергался жесточайшей критике и получал саркастические оценки своих современников. Так, И.А. Ильин полагал, что Д.С. Мережковский всегда выдумывал и сочинял безответственно, комбинируя источники по своему усмотрению, поскольку заботился исключительно о своих замыслах. Русский философ уличал Мережковского в том, что он комбинирует, развивает и интерпретирует источники с точки зрения целесообразности своих концепций, не задумываясь об исторической правде, называл героев романов Мережковского «вешалками, чучелами или манекенами», которые автор использовал в целях иллюстрации своих диалектических открытий [9, с. 374–375].

«Все его творчество – медленное прорастание в глубинные и плодоносные пласты Истории: Россия Александра, Павла, Петра; Италия Леонардо; Эпоха Апостата; теперь – Эгейская культура, и далее – Египет, Вавилон. Для него познание прошлого – реальное общение в духе и лестница посвящений», – полагали другие мыслители [10, с. 362].

Как видим, в лице Д.С. Мережковского мы можем вести речь об осмыслении эклектизма в узком смысле и его понимания как особого типа мировоззрения – в широком – «Скажут, пожалуй, что он эклектик. Неправда» (Белый), а также проблемы неоднозначной трактовки понимания природы эклектизма и его оценивания с позиции философского знания (создал или не создал мыслитель свою философскую систему), которая имеет давнюю традицию. Например, известно мнение о «классическом эклектике» Марке Туллии Цицероне, который «не дал новых идей миру... Его собственный внутренний мир небогат, ибо в нем много других голосов»¹.

Сегодня мы можем говорить о том, что Д.С. Мережковский по праву занимает почетное место в ряду русских религиозных мыслителей, поскольку смог найти свой религиозно-философский метод и выработать содержание своего философствования². Определяя свое место в русской литературе «если бы я был философом, я постарался бы донести мысль до окончательной ясности... Но я не проповедую и не философствую... я только описываю свои последовательные внутренние переживания», Д.С. Мережковский пояснял, что «прежде всего желал бы показать за книгой живую душу писателя – своеобразную, единственную, никогда более не повторяющуюся форму бытия», искал «неожиданное в знакомом, свое в чужом, новое в старом», а мыслителей и художников рассматривал «в *своем* свете, в *своем* духе, под *своим* углом зрения» [11, с. 353]. Д.С. Мережковский неоднократно подчеркивал, что «по совести: все, что я говорю и думаю по вопросам религиозным, идет не от книг, не от чужих мыслей, а от моей собственной жизни, – все это я пережил».

Высказав предположение о том, что «Мережковский при всей огромности дарования нигде недовоплощен: не до конца большой художник, не до конца пронизательный критик, не до конца богослов, не до конца историк, не до конца философ», Андрей Белый озадачился необходимостью «придумать какую-то форму творчества, не проявившуюся в нашу эпоху. Эта эпоха наша, должно быть, подходит к новым творческим возможностям» [6, с. 265].

И сегодня вопрос поиска «формы творчества» Мережковского не утратил своей актуальности. Поставив знак равенства между «субъективной критикой» Д.С. Мережковского и русской герменевтикой, исследователь Н.К. Бонецкая назвала мыслителя ее основателем, ключевой фигурой, считая критические очерки Д.С. Мережковского лучшими образцами герменевтической практики [12, с. 97–114].

---

¹ Цит. по: Микешина Л. А. Эклектика и синкретизм: к вопросу о системности философского знания // Эпистемология и философия науки. М. : Институт философии Российской академии наук, 2013. Т. 37. № 4. С. 31. Подробнее об этом: Лосев А. Ф. Эклектизм // Философская энциклопедия. Т. 5. М., 1970. С. 542–543.

² Подробнее об этом: Цетлин М. О. Д.С. Мережковский (1865–1941) // Новоселье. 1942. Март. № 2.

Перечислим наиболее значимые составляющие «экспорта новых течений» (Белый) Мережковского: метод «субъективной критики», излюбленная схема «тезис – антитезис – синтез», антиномичность и многофункциональность трактовки символа (категория «символ» в трактовке Д.С. Мережковского имела целый ряд смысловых характеристик, связанных с пониманием начала и конца бытия, истока и конечной цели мироздания, пути познания и цели новой культуры, формы всеединства и соборности, идеала будущего мироустройства), обоснование «нового искусства» – символизма, «нового религиозного сознания», «религиозной революции», «религиозной общественности», «Всеединской Церкви», «Третьего Царства» – «Божественного Общества» – «Третьего Завета» (проекта будущего общества, в котором нашли отражение символическая, эстетическая, этическая и культурологическая концепции, синтезировались все религиозные, историософские, культурологические и социальные идеи мыслителя), интерпретация культуры как синтеза онтологического, теургического (проблема творения нового бытия), аксиологического (проблема ценности культуры и творчества ценностей), антропологического (проблема человека, личности – главного носителя и творца культуры) и социального (роль культуры в обществе, способ организации общественной жизни) аспектов.

Отметим и один из характерных приемов творчества Мережковского – возвращение к одним и тем же источникам, многократное использование их в различных контекстах, что свидетельствует о специфике творческого подхода и мировидения Мережковского. Таким образом, тенденция синтеза, обозначенная Лосевым как базовая характеристика эклектичности, проявилась в творчестве Д.С. Мережковского в едином замысле всех произведений, на который он сам указал в предисловии к полному собранию своих сочинений: «Это – звенья одной цепи, части одного целого. Не ряд книг, а одна, издаваемая только для удобства в нескольких частях. Одна об одном» [13, с. 5].

Легкость в обращении с чужими текстами, вольное цитирование в виде пересказывания без кавычек и неточное цитирование или изменение текста внутри кавычек отмечали многие современники и исследователи творчества Мережковского. В то же время, несмотря на обилие явных и скрытых цитат, большинство критиков признают продуктивность его художественного метода, признают, что произведения Мережковского отличаются оригинальностью и воспринимаются не как энциклопедия чужих мыслей, а как живые картины.

Рассматривая эклектическое мировоззрение как социокультурный феномен эпохи русского религиозного Ренессанса, напомним о специфике отечественного символизма (я имею в виду его трактовку как миропонимания, мировоззрения и синтеза) и проиллюстрирую это обобщающей цитатой Андрея Белого: «А ведь поэзию, мистику, критику, историю – все превратил Мережковский в ореол вокруг какого-то нового отношения к религии – теургического, в котором безраздельно слиты религия, мистика и поэзия. Все остальное – история, культура, наука, философия только подготовляли

человечество к новой жизни. Теперь приближается эта жизнь, упраздняется чисто искусство, историческая церковь, государство, наука, история. И каким огнем залита проповедь Мережковского, как преломляется она в существующих методах творчества: в романах, в критике, в религиозных исследованиях! Привлекает она к нему эстетов, мистиков, богословов, просто культурных людей» [6, с. 259].

Обратимся к текстам Мережковского. В качестве примера эклектичности ограничусь двумя работами – одной из ранних, «Вечные спутники» (1897), и одной из поздних, «Тайна Трех. Египет – Вавилон» (1923).

Во-первых, эти работы объединяет стиль изложения – «по совокупности своих даров и средств, Мережковский – комментатор. Свои собственные мысли он гораздо лучше выскажет, комментируя другого мыслителя или человека; комментарий должен быть методом, способом, манерою его работы» (Розанов). Во-вторых, временной отрезок демонстрирует динамику и верность предложенному им методу «субъективной критики», ставшему одной из составляющих его творчества, его «символистской эклектики», его миро-восприятия.

В предисловии к «Вечным спутникам» автор обозначил свою «субъективную» цель – открыть читателю свое внутреннее, собственное, «богоподобное» я, свое мирозерцание и миропонимание через любимые книги и личности, которые оказали воздействие на «его ум, сердце и волю». Предвосхищая читательский упрек в отсутствии систематической связи, Мережковский подчеркивает свой выбор – сознательное «соединение (курсив мой – О.П.) столь различных, по-видимому, чуждых друг другу, имен в одну семью, в одну галерею портретов» [11, с. 353]. «Вечные спутники» можно назвать весьма показательными с точки зрения объема цитирования Мережковским героев своих очерков – их произведений, дневников, воспоминаний, писем¹.

Если в первой работе Мережковского присутствуют, по большей части, цитаты из произведений самих «вечных спутников», то в книге «Тайна Трех. Египет – Вавилон» автор «цитирует много и многих» (Айхенвальд): на одной странице мы можем встретить цитаты из Библии и произведений Розанова или Достоевского, Демокрита и Шеллинга, Вейнингера и Пушкина, отсылки к запискам путешественников, к древним текстам и исследованиям археологов, ученых-египтологов.

Отмечу, что работа с источниками была всегда одной из важнейших составляющих творческого процесса Дмитрия Мережковского и подходил он к этому вопросу довольно трепетно и тщательно. По свидетельству жены писателя З. Гиппиус, Мережковский не только относился к работе с серьезностью

---

¹ «В очерке о Монтене три четверти написанного – выдержки из «Опытов», а это одна из самых запоминающихся работа сборника». Подробнее об этом см.: Ермолаев М. Загадки Мережковского. Послесловие // Мережковский Д. Л. Толстой и Достоевский. Вечные спутники. М. : Республика, 1995. С. 561–567.

ученого и исследовал тему со всей возможной широтой, но и стремился побывать там, где происходило действие, «видеть и ощущать тот воздух, ту природу». Невозможность посетить некоторые страны Д.С. Мережковский компенсировал изучением источников. Известно, что в Висбадене (Германия) ему «из специальной библиотеки привозили на тачках громадные фолианты, в которых он нуждался»¹. Кроме того, Мережковский в совершенстве знал множество европейских языков, переводил произведения древнегреческих классиков, а деятельность Мережковского как переводчика стала олицетворением переводческой практики рубежа XIX–XX веков. Отметим, что и в этой области (не без влияния Шлейермахера, который понимал перевод как способ «привести читателя к писателю» и «привести писателя к читателю») проявились «субъективный» и эклектический методы Мережковского. Как видим, далеко не случайно первая публикация книги «Тайна Трех. Египет – Вавилон» в России (2001) снабжена обширными комментариями одного из выдающихся современных исследователей творчества писателя Елены Андрущенко. Комментарии даны как на примечания Мережковского, так и на те цитаты, происхождение которых не всегда может быть понятно читателю из контекста.

Вводя новые группы источников в научный оборот (историко-философский, религиозный и художественный), знакомя читателей с новыми текстами, «властелин чужого» сумел «включиться» в социокультурный контекст русского религиозного ренессанса, определяя своими идеями умонастроение эпохи: Мережковский «проговаривал» себя через личности и эпохи, а время «проговаривало» себя через Мережковского, показывая одно из направлений мышления эпохи и мироощущения определенного социума.

Подводя некоторые итоги, отметим следующие моменты.

В лице Д.С. Мережковского можно с полным основанием говорить об эклектике как об особом явлении символизма и русской культуры рубежа XIX–XX веков – периоде «искания новых путей и какой-то очень глубокой жажды новых и небывалых синтезов», всеединства, богоискательства, теургии, космизма.

К задаче дальнейших исследований можно отнести изучение явления феномена «символистской эклектики» в целом, и уточнение масштабов и «эклектических» идей Д.С. Мережковского, в частности. Однако уже сегодня можно с полным основанием говорить о том, что эклектизм и «случай Мережковского» являются оригинальной и неотъемлемой частью эпохи русского религиозного Ренессанса, которые оказали существенное влияние на дальнейшее развитие русской культуры и философии.

Представляется весьма актуальным и открытым для анализа вопрос интерпретации эклектизма как заимствования: «Я часто замечал, что у меня наиболее светлых мыслей тогда, как их надобно импровизировать в выражение

---

¹ Подробнее об этом см.: Гиппиус З. Дмитрий Мережковский // З. Гиппиус. Живые лица. Тбилиси, 1991. Т. 2. С. 196.

или в дополнение чужих мыслей. Мой ум, как огниво, которым надобно ударить об камень, чтобы из него выскочила искра. Это вообще характер моего авторского творчества; у меня почти все или чужое, или по поводу чужого – и все, однако, мое», – писал о себе В.А. Жуковский¹. В этом ключе также интересен цикл стихов «Гайны ремесла» А. Ахматовой: «Налево беру и направо, / И даже, без чувства вины, / Немного у жизни лукавой, / И все – у ночной тишины», однако обозначенная проблема – это уже тема другого исследования.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ойзерман, Т. И. Амбивалентность философии / Т. И. Ойзерман. – М. : Канон+ ; Реабилитация, 2011. – 400 с.
2. Микешина, Л. А. Эkleктика и синкретизм: к вопросу о системности научного знания / Л. А. Микешина // Эпистемология и философия науки. – М. : Институт философии Российской академии наук, 2014. – Т. 39. – № 1. – С. 60–78.
3. Поршнев, В. П. Эkleктизм как мировоззрение интеллектуальной элиты птолемеевской Александрии / В. П. Поршнев // Вестник СПбГУКИ. – 2011. – № 1. – С. 104–115.
4. Лосев, А. Ф. История античной эстетики. Ранний эллинизм / А. Ф. Лосев. – Харьков : Фолио ; М. : АСТ, 2000. – 960 с.
5. Критика русского символизма. Т. 2. – М. : Олимп, 2002. – 443 с.
6. Белый, А. Мережковский / А. Белый // Д.С. Мережковский: pro et contra: Личность и творчество Дмитрия Мережковского в оценке современников : антология. – СПб., 2001. – С. 257–266.
7. Бычков В. В. Эстетические пророчества русского символизма / В. В. Бычков // Полигнозис. – 1999. – № 1. – С. 83–104.
8. Бердяев, Н. А. Новое христианство (Д.С. Мережковский) / Н. А. Бердяев [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.odinblago.ru/filosofiya/berdyayev/novoe_khristianstvo/.
9. Ильин, И. А. Мережковский – художник / И. А. Ильин // Д.С. Мережковский: pro et contra: Личность и творчество Дмитрия Мережковского в оценке современников : антология. – СПб., 2001. – С. 374–388.
10. Бахтин, Н. М. «Мережковский и история» / Н. М. Бахтин // Д.С. Мережковский: pro et contra: Личность и творчество Дмитрия Мережковского в оценке современников : антология. – СПб., 2001. – С. 362–364.
11. Мережковский, Д. Л. Толстой и Достоевский. Вечные спутники / Д. Л. Мережковский. – М. : Республика, 1995. – 622 с.
12. Бонеецкая, Н. К. Д.С. Мережковский: герменевтика и экзегетика / Н. К. Бонеецкая // Вопросы философии. – 2012. – № 12. – С. 97–113.
13. Мережковский, Д. С. Собр. соч. : в 24 т. Т. 1 / Д. С. Мережковский. – М., 1914–1915.

---

¹ См.: Жуковский В. А. Собр. соч. : в 4 т. Т. 4: Письма к Н.В. Гоголю 6 (18) февраля 1847, Франкфурт-на-Майне. Воспроизводится по изданию: В. А. Жуковский. Собрание сочинений : в 4 т. Т. 4. М. ; Л. : Государственное издательство художественной литературы, 1960. Одиссея. Художественная проза. Критические статьи. Письма. Электронная публикация – РВБ, 2006–2018. Версия 2.0 от 14 января 2017 г.

REFERENCES

1. Oizerman T.I. *Ambivalentnost' filosofii* [Ambivalence of philosophy]. Moscow, «Kanon+» ROOI «Rehabilitation», 2011. 400 p.
2. Mikeshina L.A. Jeklektika i sinkretizm: k voprosu o sistemnosti nauchnogo znaniya [Eclecticism and Syncretism: on the question of the system of scientific knowledge]. *Jepistemologija i filosofija nauki = Epistemology and philosophy of science*, Moscow, Publishing house of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, 2014, vol. 39, No. 1. pp. 60-78. (In Russian).
3. Porshnev V.P. Eclecticism as the worldview of the intellectual elite of Ptolemaic Alexandria. *Vestnik SPbGUKI = Bulletin of SPBSUCA*, 2011, No. 1, pp. 104-115. (In Russian).
4. Losev A.F. *Istorija antichnoj jestetiki. Rannij jellinizm* [History of ancient aesthetics. Early Hellenism]. Kharkiv, Folio Moscow, AZT Publishing house, 2000. 960 p.
5. *Kritika russkogo simvolizma* [Critique of Russian symbolism]. Moscow, Olimp, 2002, vol. 2. 443 p.
6. Bely A. *Merezhkovskij* [Merezhkovsky], in *D.S. Merezhkovskij: pro et contra: Lichnost' i tvorcestvo Dmitrija Merezhkovskogo v ocnke sovremennikov: antologija* [D.S. Merezhkovsky: Pro et contra: the Personality and creativity of Dmitry Merezhkovsky in the assessment of contemporaries: anthology]. St. Petersburg, 2001. pp. 257-266.
7. Bychkov V.V. The aesthetic prophecies of Russian symbolism. *Polignozis = Polygnosis*, No. 1. Moscow, 1999, pp. 83–104. (In Russian).
8. Berdyayev N.A. *Novoe hristianstvo (D.S. Merezhkovskij)* [New Christianity (D. S. Merezhkovsky)]. Available at: http://www.odinblago.ru/filosofiya/berdyayev/novoe_khristianstvo
9. Ilyin I.A. *Merezhkovskij – hudozhnik* [Merezhkovsky – the artist], in *D.S. Merezhkovskij: pro et contra: Lichnost' i tvorcestvo Dmitrija Merezhkovskogo v ocnke sovremennikov: antologija* [D.S. Merezhkovsky: Pro et contra: the Personality and creativity of Dmitry Merezhkovsky in the assessment of contemporaries: anthology]. St. Petersburg, 2001. pp. 374-388.
10. Bakhtin N.M. *Merezhkovskij i istorija* [Merezhkovsky and history], in *D.S. Merezhkovskij: pro et contra: Lichnost' i tvorcestvo Dmitrija Merezhkovskogo v ocnke sovremennikov: antologija* [D.S. Merezhkovsky: Pro et contra: the Personality and creativity of Dmitry Merezhkovsky in the assessment of contemporaries: anthology]. St. Petersburg, 2001. pp. 362-364.
11. Merezhkovsky D. *L. Tolstoy i Dostoevskiy. Vechnye sputniki* [L. Tolstoy and Dostoevsky. Eternal Companions]. Moscow, Republic, 1995. 618 p.
12. Bonetskaya N.K. D.S. Merezhkovsky: hermeneutics and exegesis. *Voprosy filosofii = Issues of Philosophy*, Moscow, 2012, No. 12, pp. 97-113. (In Russian).
13. Merezhkovsky D.S. Collected works: in 24 volumes. Moscow, 1914-1915. Vol. 1.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Пчелина О.В. Эклектизм как мировоззрение: случай Д.С. Мережковского / О.В. Пчелина // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2020. – № 2. – С. 92–101.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Pchelina O.V. Eclecticism as a Worldview: the Case of D.S. Merezhkovsky / O.V. Pchelina // The Bulletin of Armavir State Pedagogical University, 2020, No. 2, pp. 92–101. (In Russian).